

УДК 332.1(470.6)
ББК 65.049(235.7)
Ч 48

Т.А. Чермит

Аспирант кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (8772) 59 39 52.

Особенности развития депрессивной региональной экономической системы

(Рецензирована)

Аннотация: Концепция модернизации в последние годы стала неотъемлемой частью теории региональной экономики. Депрессивный статус региональной экономической системы детерминирует специфику модернизации. В данной статье раскрыты характеристики развития депрессивных региональных экономических систем как квази-корпораций и представлены рекомендации.

Ключевые слова: модернизация; региональная экономическая система; депрессивный статус; согласование интересов.

T.A. Chermi

Post-graduate student of Economy and Management Department of Adyghe State University, Maykop. Ph.: (8772) 59 39 52.

Specific features of development of depressive regional economic system

Abstract. Recently the concept of modernization has become an integral part of theory of regional economy. Depressive status of regional economic system determinates the specific features of its modernization. This paper discloses specific features of modernization of regional economic systems as quasi – corporations and provides recommendations.

Keywords: modernization; regional economic system; depressive status; the coordination of interests.

В научной литературе последовательно возрастает внимание к исследованию развития депрессивных региональных экономических систем современной России. Данное обстоятельство во многом обусловлено преодолением последствий современной кризисной ситуации, выход из которой в таких системах наиболее затруднен. Вместе с тем становится очевидным, что многие аспекты исследования депрессивных региональных экономических систем нуждаются в дополнительной разработке.

Уточняя содержание понятия «депрессивная региональная экономическая система», следует адресоваться к родовому для него понятию региональной экономической системы – одной из базовых категорий теории региональной экономики. Но если для «нормально» функционирующей региональной экономической системы характерны устойчивость, четкая локализация в определенных границах хозяйственного пространства, наличие достаточного ресурсного потенциала и потенциала саморазвития, то для ее депрессивного варианта характерны совершенно иные характеристики, которые в своей совокупности означают неустойчивость и низкую эффективность протекания в данном пространстве хозяйственных процессов, низкую инвестиционную привлекательность, недостаточное доходное обеспечение потребностей постоянного населения территории, слабость региональной экономической политики и др. [1].

Выделим ряд существенных характеристик депрессивных региональных экономических систем. Первой из них выступает хроническая и, как правило,

усиливающаяся зависимость от предоставления федеральной финансовой поддержки. В научной литературе постепенно утверждается позиция, сторонники которой провозглашают тезис о наличии особого механизма воспроизводства финансовой зависимости депрессивных регионов от федерального центра [2]. Указанный механизм четко просматривается в развитии территориальных экономических систем ЮФО и СКФО: Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Республики Калмыкия, Республики Дагестан, Республики Адыгея, Республики Северная Осетия – Алания и др.

Второй существенной характеристикой депрессивных региональных экономических систем выступает концентрация в их внутренней среде множества факторов эволюционного процесса, которые выступают как рискогенные. Отсюда – основная проблема развития указанных регионов-субъектов – проблема защиты от избыточных рисков и угроз, стабилизация весьма неустойчивого эволюционного процесса. Соответственно, инвесторы адекватно реагируют на избыточные риски.

Третьей характеристикой эволюционного процесса в исследуемых системах является то, что финансовый сектор опирается на явно недостаточную базу сбережений – в итоге собственных средств для обеспечения развития не хватает, а заемные средства обходятся весьма дорого, что создает инвестиционную «ловушку» – каждый новый заем создает дополнительное бремя задолженности, что в свою очередь ведет к ухудшению экономического положения территориального заемщика.

Выделим два весьма опасных последствия формирования указанной инвестиционной ловушки:

- во-первых, она обуславливает формирование финансово-инвестиционных и кредитных «пузырей» в эволюционном процессе, которые в свою очередь трансформируют ресурсы развития в ресурсы зарождения и углубления кризисных ситуаций;

- во-вторых, происходит стремительный рост совокупного кредитного обременения ВРП, что вносит существенный вклад в углубление кризисной ситуации в региональной системе и затрудняет выход из нее.

Четвертая характеристика относится к разряду воспроизводственных – в исследуемых системах блокированы механизмы трансформации сбережений в инвестиции, что обуславливает зависимость территориального инвестиционного процесса от внешних заимствований и федеральных финансовых ресурсов. При этом в депрессивной системе относятся к таким ресурсам как к «даровым благам природы», которые не обязательно эффективно использовать или возвращать тому, кто их предоставил.

Наконец, пятая характеристика относится к разряду институциональных. А.Кусраев приходит к выводу о том, что статус депрессивной экономической системы превращается в нечто самостоятельное по отношению к территории, проявляет себя в качестве некоего активного начала, обретает субъектный характер [3].

Такое превращение обладает собственными механизмами закрепления. Раскроем их. Как известно, статус любой экономической системы есть некоторая интегральная характеристика всех институтов, действующих в ее внутренней среде. Институциональная теория следующим образом раскрывает способ возникновения статуса. Статус есть закрепившееся в нормах права, обычаях, формах контрактов, формах поведения положение территориальной экономической системы [3]. Например, за успешными субъектами закрепляется статус лидера, за менее успешными – статус догоняющего, за неуспешными – статус отстающего и т.п.

Организованная совокупность статусов различного рода соответствует исторически сложившемуся способу организации хозяйственного пространства. Соответственно, изменение указанного способа ведет к смене такой совокупности статусов; каждый из регионов обретает какой-то новый статус. Но что представляет собой вся изменяющаяся

система статусов? Можно ли отделить ее от экономической системы региона? Ответ на данный вопрос предполагает использование эвристических возможностей теории брэндов.

Статус есть своеобразный брэнд региона; следовательно, он способен обособляться от стоящего за ним экономического содержания и даже отчуждаться от него. Мы имеем дело с особым рода символами, знаковой системой – внешней оболочкой территориальных экономических отношений. Такие символы территориальных экономических систем играют роль виртуальных представителей и зачастую воспринимаются в качестве самих реальных систем. В них можно инвестировать деньги, с их помощью можно обеспечивать себе некоторые преференции. Статус депрессивного региона в данном отношении представляет собой своего рода институциональный капитал, приносящий своему владельцу прибыль. Покажем это.

Знак депрессивного региона обладает целым рядом капитальных возможностей:

- способностью гасить формирующиеся во внутренней среде территории инициативы, которые опасны для него, поскольку могут привести к изменению установившегося статуса территории;
- обеспечивать пролонгацию сложившегося механизма финансовой поддержки со стороны федерального центра, международных организаций и др.;
- демонстрировать самовозрастание, то есть использовать случайно или целенаправленно произошедшее ухудшение экономической ситуации в регионе для обоснования потребности в расширении финансовой поддержки.

Изменение статуса региона предполагает осуществление значительных изменений в сложившихся институтах, способе развития территории, мышлении людей, которые осуществляют властные и управленческие полномочия. Речь идет о глубокой институционально-хозяйственной коррекции эволюционного процесса, для которой необходимы соответствующие предпосылки. Указанная коррекция происходит, когда возникает необходимость деятельного, реального проявления указанной системы, например, обеспечения каких-то общественных потребностей в ускорении ее развития, формирования территориальной стратегии модернизации и т.п.

Разумеется, самовозрастание статуса депрессивной экономической системы, превращение его в институциональный капитал, с помощью которого накопленная отсталость становится средством добывания финансовых ресурсов, обусловлено вовсе не чьей-то волей, а господствующими институтами национальной экономики России. Условия для него формируются не на региональном, а на федеральном уровне. Как известно, регионы не могут выйти за пределы объективно сложившегося общего институционального поля своего развития [4].

Институциональные изменения на федеральном уровне определенным образом проецируются на региональный уровень и существенно изменяют условия развития территориальных экономических систем современной России. Выделим в данном отношении следующие территориальные результаты институциональных изменений:

- на начальном этапе рыночных преобразований практически все регионы России обладали тем потенциалом, который достался им от предшествующего способа организации хозяйственного пространства; в качественно новой рыночной среде они еще не обладали конкретными и устойчивыми конкурентными преимуществами, а потому стремились к улучшению своих стартовых позиций, в том числе к заключению более выигрышных для них соглашений с федеральным центром в рамках реализации Федеративного договора;
- в процессе углубления рыночных преобразований различия между региональными экономическими системами нарастали, и то стартовое неравенство, которое только начинало проявляться в 90-х гг. XX века, стало явным; после финансового кризиса 1998 г. в хозяйственном пространстве России четко обозначились депрессивные территории, что потребовало запуска механизма финансовой поддержки;

– в результате федеральный центр за полтора десятилетия был вынужден израсходовать для поддержания жизнеспособности региональных экономических систем и обеспечения социальных стандартов жизни в регионах депрессивного типа объем бюджетных ресурсов, сопоставимый с массой зарубежных инвестиций, пришедших за этот же период в экономику России [1].

При этом количество депрессивных регионов возросло. Только на Юге России (ЮФО, СКФО) в настоящее время к ним следует отнести 8 регионов из 13. Задача последовательного преодоления зависимости таких регионов от средств финансовой поддержки, которая неоднократно ставилась федеральным правительством, так и не нашла своего разрешения. Институциональный статус депрессивного региона остается действенным инструментом жизнеобеспечения многих территорий России.

Подведем некоторые итоги исследования. Осмысление итогов институциональных преобразований в России приводит к следующим выводам. Во-первых, институционально-хозяйственные преобразования на мезо-уровне будут продуктивны только в том случае, когда они осуществляются системно, корреспондируясь с соответствующими изменениями на макро-уровне и обеспечивая изменение всех действующих институтов. Попытки навязать регионам надуманные нормы или контракты, равно как и перенос институтов из внешней среды, завершаются провалами процесса институционально-хозяйственных преобразований.

Во-вторых, намечаемые институциональные изменения должны обеспечиваться необходимыми материальными предпосылками, соответствовать господствующим тенденциям экономического развития. На мезо-уровне оказываются жизнеспособными только те институты, которые востребованы развитием территориального хозяйства; соответственно, эволюционный процесс достигает тех экономических результатов, которые обеспечены поддержкой институтов.

В-третьих, в экономической системе депрессивного региона имеет место сращивание институционального статуса и хозяйственной структуры, что обуславливает особый тип развития. Используя типологическое сходство экономических систем региона и корпорации, сравним депрессивную территориальную систему с корпорацией, которая попала в зону кризисного функционирования и вынуждена искать защитные финансовые ресурсы во внешней среде, обращаться за поддержкой, демонстрируя при том опасность своего крушения для тех участников внешней среды, к которым она обращается. Финансовая поддержка федерального центра во многом обусловлена именно тем, что он не может допустить экономического краха одного или нескольких своих регионов.

Используя такую двустороннюю зависимость в своих интересах, депрессивные системы, которым весьма сложно мобилизовать дефицитные внутренние резервы для улучшения своей позиции, предпочитают использовать свой институциональный статус в качестве инструмента обеспечения непокрытых потребностей, наращивая свои заявки на получение финансовой помощи от федерального центра. Вполне закономерно, что такое наращивание заявок способствует формированию необходимых условий для коррупции во взаимодействии регионов с органами федерального центра.

В современной научной литературе последовательно утверждается позиция, сторонники которой полагают, что преобладание средств, получаемых в рамках финансовой помощи из федерального бюджета, над собственными доходами бюджета депрессивного региона, обуславливает снижение инвестиционного потенциала республиканского бюджета [5]. Аргументация достаточно очевидна – средства финансовой поддержки, как правило, выходят за пределы обеспечения воспроизводственного процесса, а их распределение не стимулирует получателей средств к эффективному использованию и наращиванию собственного экономического потенциала.

Наращивание финансовой поддержки ведет к тому, что воспроизводственная ориентация расходов территориального бюджета и внебюджетных фондов шаг за шагом

снижается. Соответственно, федеральные средства направляются на «латание» брешей в экономической системе депрессивного региона. Поэтому правомерен общий вывод о том, что растущие размеры предоставляемой финансовой поддержки свидетельствуют о снижении качества проводимой региональной экономической политики.

Примечания:

1. Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 218 с.
2. Хашева З.М. Антикризисный компонент региональной социально-экономической политики: факторы, принципы, стратегии и инструменты. Краснодар: ЮИМ, 2009. 224 с.
3. Кусраев А.Ч. Особенности модернизации региональных экономических систем депрессивного типа. Краснодар: Экоинвест, 2009. 122 с.
4. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996. 382 с.
5. Шевлокова В.В. Инвестиционный подход к межбюджетным отношениям // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 57-62.

References:

1. Ovchinnikov V.N, Kolesnikov Yu.S. Silhouettes of regional economic policy in the South of Russia. Rostov-on-Don: YUFU Publishing House, 2008. 218 p.
2. Khasheva Z.M. Anti-crisis component of a regional social and economic policy: factors, principles, strategies and tools. Krasnodar: YUIM, 2009. 224 p.
3. Kusraev A.Ch. Features of modernization of regional economic systems of depressive type. Krasnodar: Ekoinvest, 2009. 122 p.
4. Gaydar E.T. Days of defeats and victories. M: Vagrius, 1996. 382 p.
5. Shevloкова V.V. The investment approach to interbudgetary relations // Scientific thought of the Caucasus. 2006. No. 3. P. 57-62.